

Журнал "Байкал"

№ 2, 1962

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Байкал": № 2, 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 163 с.

ISBN 978-5-458-66435-6

Журнал "Байкал" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходилса в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66435-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРАВДА

50
ЛЕТ

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Вместе со всем советским народом писатели социалистической Бурятии горячо и радостно отмечают славное пятидесятилетие боевого партийного органа, газеты «Правда».

У колыбели «Правды» стоял великий вождь и учитель трудящихся Владимир Ильич Ленин. «Правда» всегда была и остается знаменосцем ленинизма, боевым помощником партии, организатором масс в борьбе за торжество коммунизма.

«Правда» последовательно и страстно помогала партии в осуществлении мудрой ленинской национальной политики, в борьбе за превращение отсталых национальных окраин старой царской России в цветущие республики могучего Советского Союза.

Мы, писатели Советской Бурятии, с глубокой благодарностью отмечаем повседневную заботливую партийную помощь «Правды» в развитии национальной литературы бурятского народа. Так, еще в 1940 году «Правда» охарактеризовала национальную гордость бурятского народа эпос «Гэсэр», как подлинное произведение народного творчества. В дни декады бурятской литературы и искусства в Москве «Правда» широко освещала достижения бурятской литературы. Теоретические высказывания «Правды» по коренным вопросам советской литературы учат партийной принципиальности, указывают единственно верный источник вдохновения — неразрывную связь с жизнью народа, со строителями первого в мире коммунистического общества. Сама «Правда» показывает нам высокий пример единства со всем советским народом.

Осуществляя и пропагандируя ленинскую внешнюю политику Коммунистической партии, «Правда» является неустанным борцом за мир во всем мире.

Горячо поздравляя боевой орган нашей партии газету «Правда» со славным пятидесятилетием, желаем ей дальнейших творческих успехов в борьбе за осуществление великих идей Коммунистической партии, ведущей нас к светлому будущему.

Да здравствует великая, непобедимая Коммунистическая партия, вдохновитель и организатор побед советского народа в борьбе за коммунизм!

Да здравствует ленинская «Правда», боевой орган Коммунистической партии!

Писатели Бурятии

Жамьян БАЛДАНЖАБОН

Тереваал

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

На древней земле Аги очень далекие, не сразу и нелегко просматриваемые горизонты. На всю степь — текучий дымчато-голубой простор, отовсюду — с Байкала, Монголии, Яблонового хребта — прилетают сюда ветры, звенящие, как струны хура, и по распадкам и падям перплывает, гонимый этими ветрами хмельной аромат ая-ганги. В белом, чуть мерцающем мареве дремлют подпаленные солнцем курганы. Что скрыто в них: слава или позор ушедших в небытие веков?

Отсюда брала свое начало империя великого кагана Чингиса. Между речью Онона и Керулена не раз выплескивало на окрестные и дальние земли страшные конные тумэны... Племена кочевников, ослепленные посулами ханов и нойонов, шли к «последнему морю», чтобы завоевать для кагана весь мир. Кровавая эпоха зарыта в этих молчаливых курганах. Она засыпана слоями песка, которые нанес сюда великий ветер из бескрайних пустынь глубинной Азии.

...И поднебесьи, над сопкой Бильчир, кружил орел. Подставив крылья восходящим потокам воздуха, он плыл в вышине, описывал кольца за кольцом, ни разу не пошевелив крыльями. С извечной лютой жадностью смотрел он на степь. По седеющему оперению птицы и метровым расстоянием видно, что орел уже состарился...

В пору его молодости совсем близко от орлиного гнезда начали с шумом, огнем и дымом рваться какие-то странные облака. Далеко на северу, по пади Барун Хужарта, скакали на конях люди с красными шапками и стреляли.

Орел улетел на юг, к неоглядным равнинам Монголии, но и там не мог, птицам нельзя стало спокойно выводить птенцов. Орел вернулся к старому гнездовью. На сопке Бильчир и в падах Зун Хужарта,

Барун Хужарта и Дунда Хужарта было тихо, спокойно, по-прежнему под облаками посвистывал ветер, а в степи во множестве плодились суслики. Орел остался жить на скалах Бильчира.

Каменные скалы — два Ундур — древние и вечные скалы, на которые поднимался когда-то великий и жестокий каган Чингис, эти скалы Бильчира, приютившие орла, слышали тех степных людей, которые приходили с красными знаменами и говорили между собой о братстве и товариществе, о том, что землю Аги отныне не опалит пламя войны, что степные курганы станут сторожить мир, что в песнях всех ветров, которые проносятся над Агой, отныне будут воспеваться не смерть и не яд, а жизнь и целебная родниковая вода — аршан.

Сопку Бильчир вы не найдете на картах. Но из Читы проложена на юг шоссейная дорога. Она связывает нас с братской Монголией. На вашем пути встретятся села и улусы Дарасун, Бальзино, Иля, Дульдурга... Дальше — стоп. Чтобы попасть на Бильчир, поворачивайте к улусу Шулуты.

Вы поедете берегом реки Или, покрытым густыми зарослями дикой яблони-улир и черемухи. И вам надо еще переправиться через Илю по деревянному мосту. А затем поднимайтесь по пади Нарсатуй. Там будет крутой перевал. Это Ташалан. С него вы увидите Бильчир.

На северной стороне сопки лес, деревья спускаются в ложбину. Из-за ложбины сопка похожа на огромного двугорбого верблюда, который лег отдохнуть в степи.

По палям Барун Хужарта, Зун Хужарта и Дунда Хужарта живут колхозные чабаны. Четыре чабанских стойки — четыре отары. Может, познакомимся с чабанами? Поверьте, это интересные люди.

Вот хотя бы старик Даржа. Ему уже за шестьдесят, и в молодости он воевал под красными знаменами. Из всего живого, что гнездится и роет норы на Бильчире, может быть, только и остался тот старый орел, который видел тогда Даржу. Прошли годы, много отшумело метелей и гроз, состарился Даржа. А чабанить не бросил. Да и как бросишь? Он давно знает, что пока он с отарой да на коне, пока у него в руке икрюк, его будут знать по всей Аге...

Что еще сказать о Дарже? Отара у него маточная. По весне он считает ягнят. И хорошо. И ладно. В улусе старого чабана зовут Даржа-ахай. Это из уважения. Живет он с Бальжин, приемной дочерью. Она ему во всем помогает.

Если мы поедем от стойки Даржа-ахая на северо-запад, то попадем на опушку леса, где стоит летник чабаники Суранзан. Суранзан по-русски — это магнит, у нее обаяние какое-то притягательное. Красивая она! И откуда такая красота на свете берется? Статная, но не тонкая, румяная, в глазах света столько, сколько в родниковой капле под солнцем. Замуж она вышла не по любви, детей не было и хотя муж очень любил ее, она не захотела с ним жить. Теперь пасет баранов в степи. Колхозный парторг Жаргал Базаров, человек в улусе новый, почему-то сравнил Суранзан с лесным яблочком-дичком, которое и встречается-то в Аге редко.

Вот какая она, Суранзан...

Если от ее жилья напрямик махнуть через сопку, то можно приехать в юрту Сады. Там вы услышите властный голос его жены Мунсэлмы. О-о, эта женщина себе на уме.

Что слышно об этих чабанах? Иногда говорят: «Сада — это такой работник, что шапку уронит в горячей работе, да так и не поднимет». А на Мунсэлму никто, пожалуй, в улусе не потратит ни одного доброго слова. Почему? Чтобы разобраться, надо, как советуют, терпенья набраться.

И еще одна отара у Бильчира пасется, у южного подножия сопки. Это отара комсомолки Хорло Дагбаевой, девушки с длинными ресни-

цами. Когда у нее хорошее настроение, она дарит вам приятную улыбку. После десятилетки девушка стала чабанкой и вот уже два года не слезает с коня. У Хорло, как и у Даржа-ахая, — маточная отара, и ягнят у нее в иной год бывает больше, чем у старого чабана. Ну как тут не загордиться?

Совсем закружилась голова у молодой чабанки, тем более, что... Недавно вызвали ее в правление колхоза и сказали: «Принимай укрупненную Бильчирскую бригаду, назначаем тебя старшим чабаном». Так и вышло, что Даржа-ахай, Суранзан и Сада с женой попали в бригаду Хорло, под ее начало.

Новый бригадир, вполне возможно, был бы не столь заносчив и несправедлив с чабанами и скорее понял бы свои ошибки и промахи, если бы...

Хорло не радовала жизнь. Она готовилась стать матерью, а можно ли Уржэна назвать ее мужем, она сомневалась. Всякие подозрения омрачали ее настроение. От незаслуженной обиды каменело и черствело ее сердце.

В бригаде, что там ни думай, народ собрался самый разный, люди, несхожие характерами, а работать предстояло вместе, жить, можно сказать, под одной крышей.

Что из всего этого получилось, мы и расскажем.

ДОЖДЬ В СТЕПИ — ХОЛОД НА ДУШЕ

Хорло и Аюр поздно вечером верхами возвращались из клуба. Над грядой сопок висели клочья темных туч. Было похоже, что там при безветрии трясли старую кошму, пыль выбили, а она возьми да и поиси в небе.

От улуса парень и девушка поехали на запад. Дорога была вязкая, под ногами лошадей чавкала грязь. Они благополучно переехали речку, ставшую полноводной после недельных обложных дождей, миновали черные старинные каменные могильники. То ли случайно, то ли потому, что так захотел Аюр, стремяна у них задела одно за другое, звякнули, лошади от испуга всхрапнули и пошли рысью, разбрызгивая грязь.

— Письма от Уржэна давно не было? — спросил Аюр, когда кони пошла шагом.

— Давно... — Она помолчала и не выдержала его равнодушия, в которое не верила. — А тебе-то что, давно или недавно...

...Почему так устроена жизнь? Хорло любит Уржэна. Уржэн любит Хорло. И все бы хорошо, так нет же, появляется Аюр, не то, что появляется, а прямо становится на пути.

Было время, когда Аюр и Уржэн ходили в одну школу, но после того, как «ноги начали доставать до стремян, а руки до седла», они словно бы разошлись по разным тропам.

Аюр, как старший, раньше Уржэна подстригся под бокс и надел галстук, бегал на свидания. А Уржэн будто не замечал девушек, хотя в классе девчонки завели уже свои тайны, на уроках перебрасывались записками, шептались, на переменах вызывающе громко смеялись при мальчиках. Всего этого Уржэн не видел. Да и его девушки не очень-то замечали...

Однажды ребята катались с горки. На сани садились по трое, летели вниз с визгом, снежной пылью, хохотом. Было морозно, немножко жутко и весело. Когда на сани уселась Хорло, Уржэн примостился рядом. Третьим оказался Баир Шабагоров. Сани свернули в сугроб и опрокинулись. Уржэн и Баир стояли залепленные с головы до ног снегом, счастливые... Но тут Хорло схватила Шабагорова за руку и

оба они, смеясь, убежали. Получилось как в игре, где третий лишний. Было обидно.

Хорло была девчонка, как девчонка, только очень уж быстро изменялась. Как березка по весне, которая только что вся была какая-то сухая, угловатая, а тут выклюнули, выпорхнули на волю листочки и стало не узнать ее — такая она веселая, все отряхивается, прихорашивается. Это она понравиться хочет. Так и Хорло, как-то вдруг ставшая девушкой...

Пришло время, когда Аюр подошел к Хорло и взял ее за руку, приглашая к танцу. Ей стало жутко-весело и немного закружилась голова. Это был ее первый танец с парнем. Аюр тогда молчал о своих чувствах, любовь, дремавшая у него в сердце, ждала своего часа. Вышло же все не так, как могло бы случиться...

Хорло набралась мудрости и отлично стала понимать, что такое Уржэн, она как-то вдруг разгадала в нем пылкую и беспокойную мысль, душевную щедрость и тоску по дружбе. И вот не стало перед ней мрачного широкоскулого лица, стерлись острые, резкие линии. Вместо всего этого увидела она добрые-предобрые карие глаза и уголки рта с легкой насторожинкой. Она полюбила его.

Уржэн служит в армии, в пехоте. Второй год служит. Что он сейчас делает там — спит, обедает, роет окопы? Кто знает... Вот Хорло и Аюр возвращаются из клуба после кино по размытой дождями дороге. Чавкает грязь, временами стучат копыта о камни. Всхрапывают кони. Аюру не нравится разговор Хорло. «Понимает, что я ее люблю, и ломается. Ну, смотри, не пожалей». — Так он думает и долго молчит, по лицу его, красивому даже при мертвенном свете луны, пробегают легкая усмешка.

— Нет ничего хуже — ждать, — начинает он и снова усмешка бороздит его тонкие губы. — Не вернется он... Уржэна, говорю, не жди, не вернется. Недавно... письмо его читал...

Слов уже не слышно из-за ветра, из-за того, что дорога размыта и кони поминутно оступаются, испуганно ветрихая удилами. Хорло посмотрела на Аюра и по его натянутой улыбке поняла, что сейчас он еще что-то скажет, может быть, еще более злое.

— Он успел жениться, вот как! — услышала она близко его слова потому, что ветер бросил их прямо ей в лицо. Сопrotивляясь, почти бессознательно желая освободиться от тяжести, сдавившей грудь, Хорло сказала:

— Врешь... все!

Аюр пошарил в карманах.

— Возьми. Это для тебя.

Пальцы ее сжали конверт. Какой-то подсознательный голос говорил ей, что ничего брать от Аюра не следует, но не было сил бросить конверт в темноту, на ветер или вернуть ему. Поняв по-своему ее колебания, Аюр проговорил быстро, скороговоркой, словно пытался упредить ее решение:

— Я бы не дал тебе... это. Сама напросилась.

Начал накрапывать дождь. Что за радость мокнуть в темной степи да еще когда рядом с тобой человек, от которого уже ничего ждать... Хорло стегнула коня и поскакала. Некоторое время она слышала, что позади ехал Аюр, потом стук копыт его коня сошел куда-то в сторону, видимо, к летникам Шулуты.

Не одна Хорло спешила к юрте матери, торопился и дождь. Он вымочил девушку прежде, чем она успела доехать до юрты. Мать спросила сонно:

Ужинать хочешь?

Не хочется ничего...

По крыше барабанил дождь, в висках стучали вздохи матери.

Хорло болезненно поморщилась, тихонько вздохнула, нашарила спички и зажгла лампу. На столе стояли тарелка с вареной бараниной и чашка молока.

— Может, разогреешь чай?

— Спи, ладно.

От слабого языка лампы мрак медленно разбредался по стенам. Потрескивал огонек, приплясывали и вздрагивали тени. Слышался шум дождя.

В каком-то неопределенном состоянии чувств она вскрыла конверт. Там не оказалось ничего, кроме фотокарточки. Улыбающийся Уржэн и доверчиво прижавшаяся к его плечу девушка... Вот и все. Она успела отметить про себя, что у той девушки высокая прическа.

Хорло поняла, что случилось что-то непоправимое. Об этом говорил рассудок, хотя сердце по-прежнему жило ожиданием и надеждой. Она внимательно разглядела снимок. Уржэн в солдатской гимнастёрке, возмужавший, сильный, с доверчивыми глазами... Она, та девушка, будто спрашивала Хорло: «Что тебе надо? Почему ты хочешь быть между нами?» Хорло отвернулась, но голос той не унимался: «Пожалей себя. Видишь, как мы смеемся, нам весело потому, что над твоей юртой заливается ветер». Ветер? Почему? Это дождь стучит. Ах, не все ли равно.

На минуту закралось сомнение: «Не может быть... Этот снимок не стоит того, чтобы волноваться». Но как сырые дрова не горят, а лишь глеют, так и эта надежда...

Тихо открыв дверь, она вышла. Дождь перестал. В степи пламенила тонкая нитка зари, свет ее был еще настолько слаб, что вся равнина лежала в серых дрожащих сумерках и ни одно облако не отбрасывало тени на землю.

Хорло запела вполголоса:

В табуе своем известный,
где ты конь ретивый?
В стороне той неизвестной,
где ты, мой любимый?

Она всегда так пела об Уржэне. Сейчас же она пела, как никогда, хорошо. Если бы кто послушал ее, то сказал бы: «Раздолье этой песни широко, как сама степь, покрытая душистой ая-гангой. Слова ее чисты, как вода в Ононе. Мелодия грустна, как плач сиротки-верблюжонка».

Она пела и не чувствовала, как слезы катились по ее щекам.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Выросло в Агинских степях перекасти-поле. В засушливое лето, когда трескалась земля, растение не выдержало ветра, согнулось и отломилось у основания. И покатилося перекасти-поле, завертело, закружило его по степи.

Куда только не гонял его ветер! Бывало, зацепится перекасти-поле за кустик седого ковыля, да ненадолго. Случалось и в распадках ему бывать, и меж камней забиваться — везде его находил ветер; даже у чибанских юрт, прибывшись к стене, не видел он покоя.

...Жизнь Аюра Батуева чем-то напоминала судьбу этого степного растения. Никто в улусе не уследил, когда сорвался парень. Да и как уследишь? Вода точит камень даже капельками, а где те капельки, что точат человека?

Отца Аюр помнил плохо. Небритое колючее лицо. Сапоги с запахом дегтя. Вечерами тот, бывало, спрашивал: «Ну, как живешь?» Аюр

отвечал коротко: «Хорошо». А сам не понимал, зачем спрашивать, когда они оба вместе живут в одной юрте.

Запомнилось, как его, семилетнего, отец взял с собой поливать утуг. Весна в тот год особенно торопилась встретиться с летом — так и гнала вешние воды. Солнце неделями, гуляя по небу, не заслонялось тучами. Аюр смотрел, как отец орудовал лопатой, где подгоняя воду, а где придерживая ее. Он показал ему, как надо провести борозду, а сам, посмеиваясь, отошел. Ноги Аюра скоро промокли, лопата оказалась тяжелой, а земля — неподатливой. Аюр простудился и заболел.

С полмесяца пролежал он с воспалением легких, а когда выздоровел, ему сказали, что отец уехал на войну.

Без отца, говорят, и сын не сын.

Что же, мать любила его по-своему. Самые сочные куски мяса попадали ему в тарелку. Бывало, она уходила на сенокос без завтрака, а ему оставляла лепешку, испеченную из последней горсти муки. Усталая, едва передвигая ноги, она стирала и штопала ножами. Он не ходил ни в грязном, ни в рваном. Он спал, а она сидела и смотрела, запоминая черты его лица, находя всякий раз что-то новое. Ее жизнь начиналась с него и кончалась им. То, что не было так или иначе связано с ее сыном, Аюром, ее не трогало. Соседи говорили: «Красивый у тебя сын, ему бы девочкой родиться». Эти слова были для нее музкой.

Аюр подрастал. Странно, душа его ни к чему не лежала. У него все словно текло, менялось, уходило без следа. На холме Тобогор вот уже лет десять стояли, построенные им из камней маленькие скотные дворы. Все сделано добротнo, но без всякой пользы. Потом он пристрастился к охоте, но надоело чистить ружье, набивать патроны. И вот патронташ затерялся, ружье пылилось в сундуке. Лет в семнадцать он в полеводческой бригаде увидел, что парни собираются сломать сэр — грудной позвонок четырехгодовалого быка. Кто ни пытался, ничего не получалось. «Дайте-ка попробую», — сказал он. Над ним посмеялись, но кость подали. Он взял сэр, размахнувшись, резко опустил кулак — кость переломилась. Он стал заниматься бурятской борьбой и без особого труда завоевал звание чемпиона школы. На окружных соревнованиях в первой же схватке Аюр потерпел поражение и, никому ничего не сказав, уехал домой. Как потом ни уговаривали его остаться в команде борцов, все было напрасно.

После десятилетки, получив аттестат, как он сам выражался, с «международными» отметками, а попросту говори с тройками, Аюр не попал в высшее учебное заведение да и не знал как он туда стремился. В колхозе началось его «хождение по должностям». Определяли его и в пожарную охрану, и в прицепщики, посылали учетчиком к дояркам и на счетовода учили. Были еще какие-то должности, на которых он числился, но никто уже, пожалуй, не мог бы вспомнить какие, забыл о них и сам Аюр. Получив место, он первое время оживлялся, что-то делал, но постепенно деятельность его вяхла, он становился скучным и сонным, движения — вялыми. Потом он пивался, с неделю пил, а затем все начиналось сызнова, по кругу.

Его хотели исключить из комсомола, но все как-то откладывали. Может быть, жалели... Или верили, что исправится. Произошел такой случай. В сенокос, когда мужчин в улусе не было, с островов прибежала в правление телятница Балма. Она сообщила, что вода подходит к телятнику и надо спасать скот. В правлении находился только кладовщик. Он уверил телятницу, что подмогу нарядят. Прошла ночь, наступило утро, а обещанная подмога так и не являлась. Перепуганная телятница снова отправилась в улус, но в правлении никого не застала. Со слезами на глазах стояла она посреди дороги, не зная, что предпринять. И тут показался, пошатываясь, Аюр.

— Кто тебя обидел, тетушка,— сказал он, улыбаясь,— с чего ты плачешь тут?

— Шляются тут всякие,— проговорила Балма.— Налют глаза и шляются.

— Беда какая, что ли? — спросил он, не разобрав ее слов.

— Уж не пожалеть ли хочешь?

— А что? Я могу.

— Эх ты... — Она махнула рукой, но тут же подумала о том, что все равно помощи ждать неоткуда, а этот... Кто знает, может, что и придумает, хоть и пьяный.

Балма рассказала все, как было.

— Пойдем,— трезвея, коротко сказал Аюр.

— Что? — не поняла она.

— Пойдем, трали-вали,— добавил он бог весть с чего по-русски.— Надо же это самое... — Аюр потер лоб, словно что-то вспоминал.— Телятину эту жаль, если пропадет.

Ни во что не верь и ни на что не надеясь, Балма повела Аюра на острова, всю дорогу торопила его, а он не слушал ее и шел небрежно, по-обычному, пьяно улыбаясь в ответ на ее то злые, то жалобные слова.

— Ого! — только и сказал он, увидев затонувшие кусты и черневшие вдали постройки телятника.

Аюр скинул пиджак, почему-то посмотрел на пасмурное хмурое небо и взялся за сапог.

— Плавать-то хоть можешь? — с надеждой спросила Балма.

Он хмыкнул, ничего не ответил, продолжая раздеваться. Тогда Балма выломала березку, очистила ее от веток.

— Вот... возьми, глубину-то меряй, не торопись.

Он кивнул ей и сначала вроде нехотя, в раздумьи, а затем все быстрее побрел по воде.

Прошло не больше часа, и Аюр вынес на лужайку тринадцать телят. Балма рассказывала, что когда он шел за последними тремя, то у нее «сердце остановилось». Вода прибывала с такой силой, что она была уверена, что случится несчастье. Аюр выломал в телятнике ворота, прибил к ним два бревна, нашел веревку и привязал телят к этому наспех построенному плоту.

Вот за это ему многое и прощалось.

Очередную «службу» Аюр проходил в клубе. Считался заведующим. Обязанности его состояли в том, чтобы, как он сам говорил, «во время повесить замок».

Последним его увлечением было фотографирование. В комнате в беспорядке валялись фотографии, пачки фотобумаги, везде стояли бутылки с темными мутными жидкостями, сушились, свешиваясь с потолка, проявленные пленки. Все находили, что в умении фотографировать Аюр добился поразительного успеха, теперь оставалось только гадать, надолго ли ему хватит терпенья возиться со снимками в затемненной комнате. Даже мать, сам не зная зачем, втянул он в свои занятия.

— Фиксаж! — кричал Аюр из комнаты.

И старушка поспешно бросалась искать то, что просил сын. Она по-прежнему не чаяла в нем души и считала, что ему просто-напросто не везет в жизни, что ее Аюр еще покажет себя, пусть только не мешают ему.

Сам Аюр не особенно задумывался о будущем. Если временами тревога и появлялась в его сердце, то ненадолго затемняла его жизненный горизонт, где-то в глубине души у него лежала непоколебимая уверенность в себе. Он не мог бы сказать ничего конкретного и опреде-

ленного, что ожидает его, он лишь твердо верил, что все образуется само собой, что если и должно что-то плохое случиться, то не с ним, а с другим — с кем угодно, только не с ним.

...Отдав в руки Хорло снимок, Аюр тут же пожалел об этом. Поступок явно не мужской. Удар из-за угла. Нечестный прием. Он это понимал и мучительно раздумывал, как ему исправить содеянное. Он хорошо знал характер Хорло и ничего так и не придумал. Надо же, чтобы он сотворил такую глупость с этой фотографией!

Аюр достал из кармана смятый лист бумаги, расправил на ладони. Увидев знакомый почерк, вспомнил Уржэна. Стало так стыдно, что буквы вдруг заплывали перед глазами. Он разжал руку, бумажка, как живая, сорвалась с ладони и, подгоняемая ветром, пропала.

«Надо ехать к Хорло, — решил он. — Объяснить ей, как было»...

...Поздняя в том году осень тихим багрянцем сошла на Агинские степи. В березовых перелесках с легким шуршанием падали листья, и оголенные ветви ныкли к земле. По желтеющим залысинам каменных сопков полз с дальних полей извечный запах хлебов и меда. В недвижимом, стынушем воздухе пролетали паутины-странницы.

Не доезжая до отары Хорло, Аюр спешился. На Бильчире узорчатым ковром лежал лес. Темные пятна хвои там и тут были оторочены желтыми и оранжевыми всполохами холодных костров. Пробуя на вкус погрубевший стебелек белой полыни, Аюр почувствовал, что вместе с полынной горечью входят в его сердце нерешительность и безволие.

«В другой раз заеду», — подумал Аюр, сознавая, что откладывая встречу с Хорло, он лишь усложняет и запутывает и без того неясные его отношения с девушкой.

Он круто взял на запад, держа путь к отаре Даржа-ахай.

ОБИДА СТАРИКА

Старый Даржа, узнав о том, что Хорло поручено руководить Бильчирской бригадой, внешне не выказал никаких чувств. На его бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул, полузакрытые глаза, казалось, никого не видели и ничего не замечали. Однажды ему подумалось, что в его жизни бывали длинные минуты и часы, когда он все чего-то ждал, но всегда оказывалось, что его ожидание напрасно. Жизнь проходит. Шесть десятков лет прошагал он... Где они? Он их и не заметил. Они пробежали вступнутой лисней. Все забылось, а вот вчерашний день тянулся и тянулся и никогда не забудется. Очень длинный день.

Чего же ждал вчера Даржа-ахай?

Нет нужды скрывать — руководители колхоза в улусе Шулута обидели старика. Даржа-ахай не мечтал, конечно, о бригадирстве. Где уж ему об этом думать теперь, когда и в молодые годы такое не приходило ему в голову. Быстро бегут годы, а их отпущено ему не так уж много... И все-таки обидно. Обидно, что жил долго, а потом вдруг узнал, что никому он не нужен, что кости его побаливают к непогоде, постепенно приучая к мысли, что близок последний путь, что в Шулутах, наверное, и забыли о старом чабане, который в Барун Хужарта докуривает свою потемневшую от времени трубку. Морщинистое бронзовое лицо, редкая борода, узловатые, словно сучья березы, пальцы. Кому он нужен? А ведь ждал, думал, позовут в правление и спросят «Скажи нам, Даржа-ахай, как дальше быть, ты тут у Бильчира много унтов износил, много лет отары пасешь. Что делать? Как лучше работать?» Не позвали, зря он, старый дурак, надеялся. Старшим чабаном поставили Хорло. Ну, ладно... Может, и правильно поступили, но